

УДК 81-112.2

К. Р. Ваганова

Московский государственный областной университет

**Деривационная модель «вз + иск»
в контексте розыскного делового языка
второй половины XIX века**

Представлен лексико-семантический анализ деривационной модели «вз + иск», типичной для контекстов розыскного делового языка второй половины XIX в. В качестве материала исследования были выбраны словарные статьи из нескольких историко-лингвистических словарей, а также тексты региональных памятников деловой письменности соответствующего периода. Были рассмотрены семантические признаки предикатов *взыскать*, *взыскивать*, отглагольных существительных *взыск*, *взыскание*, *неравзыскание*, наречия *взыскательно*, прилагательного *взыскательный*. Анализ контекстов позволил прийти к следующим выводам: при сохранении корневой основы -иск- вариативными оказывались только префиксальные, суффиксальные и постфиксальные морфемы. Активизация подобных лексем осуществилась только в начале XVII в., что сформировало направление функционального развития отдельного стилистического подязыка официально-делового стиля – розыскного делового языка.

Ключевые слова: деловая письменность, XIX век, розыскной деловой язык лингвоисточниковедение, деривационная модель.

Одно из основных направлений исторического словообразования – определение способов образования лексем в системе русского литературного языка, представляемое каждый раз в диахронической перспективе. В настоящее время большее число работ посвящено рассмотрению данных вопросов (см.: [Блохин, 2003; Гунько, 2012; Ерофеева, 2011; 2012; Низаметдинова, 2003; Николаев, Николаева, 2013; Сирота, Мигирова, 2013; Щербакова, 2006; 2007]). В них затрагиваются те или иные особенности образования лексем на историческом материале. Такие работы ещё раз иллюстрируют важную с лингвистической точки зрения проблему

Ваганова Ксения Ринатовна – кандидат филологических наук, докторант кафедры истории русского языка и общего языкознания Московского государственного областного университета (ул. Ф. Энгельса, 21-а, Москва, 105005, Россия; ksenia.vaganowa@yandex.ru)

Сибирский филологический журнал. 2014. № 4
© К. Р. Ваганова, 2014

репрезентативности смыслов и неоднозначности толкования ядерно-периферийных отношений в определённом типе документов.

Настоящая статья посвящена исследованию семантического потенциала одной деривационной модели «вз + иск», которая начала активно функционировать в текстах, начиная с XI в. Для определения направлений преобразования одного значения в другое, что каждый раз способствовало экспликации новых семантических признаков у лексем этой группы, нами был определён следующий материал исследования: «Словарь русского языка XI–XVII вв.» (1975) (далее «Словарь...»), «Словарь русского языка XVIII века. Восточная Сибирь. Забайкалье» (под ред. А. П. Майорова, 2011), а также розыскные источники второй половины XIX в. из Государственного архива Иркутской области (фонд Ф-32 «Главное управление Восточной Сибири. Иркутское общее губернское управление, г. Иркутск Иркутской области»). Анализ иллюстративного материала представленных историко-лингвистических словарей позволил прийти к следующему выводу. При сохранении корневой основы *-иск-* вариативными оказывались только префиксальные, суффиксальные и постфиксальные морфемы: *взыскати, взыскатися, взыскание, отыскати, отыскание, подыскати, подыскивати, разыскати, разысканой, разыскатися, разыскиватися* и т. д. Для данной группы лексем было характерно совпадение значений: например, конструкции «из + иск», «от + иск», «то + иск» вербализовывали общие смысловые признаки при образовании той или иной лексемы (см. об этом более подробно: [Ваганова, 2013; 2014а; 2014б]).

Обозначим терминологический аппарат, применяемый в настоящем исследовании. Вслед за Л. А. Новиковым, под *семой* мы понимаем «минимальную предельную составную часть (компонент) элементарного значения». *Семантический признак* рассматриваем в качестве синонима термина *сема* [Новиков, 1982, с. 116]. И, наконец, говоря о *значении* того или иного слова, имеем в виду следующее: «1) значение как специфическое языковое отражение внеязыковой действительности, 2) значение как смысловое содержание знака в составе лексической единицы, имеющей в языке соответствующие функции» [Там же, с. 86].

Далее перейдём к анализу значений предиката совершенного вида – глагола **взыскать**. В памятниках письменности, начиная с XI в., он представлял многозначную номинацию. С точки зрения контекстуального функционирования первое значение может быть охарактеризовано как основное, наиболее частотное, лишённое образности и переносного смысла (*искать, разыскивать*). Заметим, что число словоупотреблений начало возрастать только к XII в. Представим лишь некоторые из них: «Придоша въ лаврю, възискаша клѣтъкы его [аввы Стефана], и нѣкимъ показавъшемъ имъ, шьдъше клепаху въ дверь его (Патерик. Син., 109, XI–XII вв.); «Дондеже есмы в животѣ, потщимся взыскати текущая живая воды» (Ав. Кн. толк., 447, 1677 г.) [Словарь, 1975, с. 164]. Также в этом значении было аккумулировано множество синонимичных с ним созначений, также присущих ядру предиката *изыскати*: «начать *искать*»: «Азь же не послушаю васъ, възисщють мене злыи, и не обрящють, не възхотѣша бо ходити путьмъ моимъ» (Сл. о ведре, Свед. И зам. 1(3), 39, XII в.); «*расследовать, выяснять (выяснить)*»: «Взыскати же и распытывать о семъ, кто есть намѣстникъ сей Митяй, откуда бѣ, и что ради дръзновение такового и власть имяше» (Воскр. лет. VIII, 29); «*делать разыскания, исследования*»: «То трѣбѣ им [философам] бѣ възискати о своемъ сущии» (Шестоднев Ио. Екз, 43 об., 1263) [Там же, с. 165].

Второе значение, на наш взгляд, репрезентировало начальный этап становления терминологической системы розыскного делового языка уже в первой половине XVI в. Обратимся к иллюстративному материалу: «А тотъ християнинъ, у кого ели или пили [приказщики и доводчики] силно, чего взыщеть, и приказщикамъ и доводчикамъ тѣ иски платить безъ суда» (ААБ I, 436, 1536 г.) [Там же,

с. 165]. В данном контексте представлено значение *‘взыскать, предъявить иск, потребовать возмещения’*. Интересен тот факт, что настоящий семантический признак (*взыскать иск*) представлен и в более поздних текстах региональных памятников деловой письменности (например, второй половины XIX в.). Так, в Государственном архиве Иркутской области в фонде Ф. 32 хранится дело «**Объ исполнение судебныхъ и административныхъ плановъ**» (Ф. 32. Оп. 1. Д. 3678). Оно представляет достаточно большой по объёму (306 листов) разножанровый документ: статейные списки, отписки и представления фиксировали информацию об исполнении судебных и административных решений, поиске беглых преступников, разрешении многочисленных антинормативных ситуаций. Лингвоисторико-ведческий анализ документа позволил эксплицировать следующие контексты: «Судебные издержки *взыскать* съ имущества осужденнаго Михайлова, а при несостоятельности его принять на счетъ на Зав. вещественнаго доказательства: болтъ и два замка возвратитъ унтеръ офицеру Максиму Васильеву» (Ф. 32. Оп. 1. Д. 3678. Л. 13 об.) и «по 25 ст. Улож. о наказ. судебные издержки *взыскать* съ осужденнаго Иванова, а при несостоятельности его принять на счетъ казны» (Ф. 32. Оп. 1. Д. 3678. Л. 46 об.) (курсив наш. – К. В.). Смысловое наполнение формы инфинитива было определено синтаксическим расширителем – словосочетанием-синкретой *судебные издержки*. Таким образом, региональные памятники письменности второй половины XIX в. также репрезентировали номинации, образованные по деривационной модели «вз + иск».

Третье значение рассматриваемого предиката *‘получить возмещение, быть вознаграждённым; удостоить чем-либо’* начало функционировать только в контекстах второй половины XVII в.: «А за выхоть и за службишку мы, холопи твои, твою государевую никакую милостию не взысканы и твоимъ государевымъ никакимъ жалованиемъ не пожалованы» (Доп. Д. V, 677, 1660 г.); «А у той работишки были отлучась домишковъ своихъ, дано и ношно безъ всякие отлучки, пять мѣсяцевъ, а твоимъ великого государя жалованиемъ за работишку ничѣмъ не взысканы (ДАИ VI, 188, 1672 г.)» [Словарь, 1975, с. 165].

И, наконец, четвёртое значение – *‘строго спросить с кого-либо, потребовать чего-либо’*: «А взыщетъ гсдь бгъ на томъ подьячемъ хто тѣ днги принял а в книги не вписал» (Грамотки, 305, XVII в.) [Там же]. Личная форма глагола *взыщет* была представлена в форме будущего времени, она репрезентировала типичную синтаксическую последовательность: на первом месте предикат, затем подлежащее.

Отметим, что в XVII–XVIII вв. в памятниках деловой письменности начинает употребляться предикат несовершенного вида **взыскивати**, которому была присуща общая смысловая направленность с предикатом *взыскати* в первом значении: «И самъ начнеть взыскивати подробну о смерти его» (Ж.ц. Дм., 20, XVII–XVIII вв.) [Там же]. Основными семантическими признаками данного глагола были характеристики длительности и однонаправленности конкретного действия. При этом семантическая категория результативности не всегда представлена в текстах, поскольку поиски того или иного человека чаще всего были длительными.

Следующая номинация – существительное *взыск* – оказалась окончательно утрачена в лексической системе начала XIX в. Основное значение репрезентировало семантические признаки *‘розыск’*, *‘расследование’*, при этом конкретизация обозначенных смыслов была обусловлена контекстом. Данная словоформа функционировала в текстах розыскной деловой письменности XVII в.: «А коли ему доведется сторожу дозрѣти, а тѣхъ на сторожѣ не изойдетъ, которымъ доведется на сторожѣ бытии, чтобъ ему имена ихъ для взыску и справки вѣдомы были» (Устав ратных д., I, 80, XVII в.) [Там же, с. 163].

Устойчивость репрезентации смыслового потенциала, связанного с осуществлением многомерного процесса розыска, была присуща контекстам первой половины XVII в. Последнее определило появление терминологического словосочетания **сѣсти на възыскъ** (*‘приступить к следствию’*): «По явкѣ Никиты Остафьева, с(оц)кой Михайло Павловъ и зъ десятиками сѣли на възыскъ» (АХУ II, 159, 1602 г.) [Словарь, 1975, с. 163]. Появление предикативного выражения *сѣсти на възыскъ* ещё раз подтвердило наше предположение о том, что формирование стилистической системы розыскного делового языка началось именно в XVII в. и было обусловлено экстралингвистической ситуацией (система ссылки начала активизироваться именно в данный исторический период).

Другое отглагольное существительное *възыскание* функционировало в качестве производной многозначной лексемы. Её первое значение было идентично первому значению существительного *възыскъ*. Невариативность смысловых параметров ещё раз подчёркнула первоначальную синкретичность *имени*. Так, форма *възыскание* начала функционировать в тех или иных контекстах первой половины XV в. как *‘расследование, следствие’*: «Потом же възысканию бывшу, чии сут<ь> хлѣбы, и гдѣ ес<ть> принесеныя, и кто ес<ть> пославыи» (Ж. Сер. Е. Епиф., 90, 1418 г.) [Там же, с. 164]. Формы *възыскъ* и *възыскание* функционировали также и в документах забайкальской деловой письменности XVIII в. Так, А. П. Майоров фиксирует следующие контексты для данных отглагольных номинаций: «А с Ыл[ь]и Батурина одинаго пуда възыску неъ понеже не отдаеть (ф. 88, 1768) и «по требованию для възыскания ближайшего пути к уцким вершинам Уди реки отправлено тринадцать нерчинских казаков» (ИСВЗ, 74, 753) [Майоров, 2011, с. 69]. В этом случае для существительного *възыскание* было характерно смысловое наполнение, связанное с поисками какого-либо лица.

В свою очередь, иркутские розыскные документы второй половины XIX в. репрезентировали словоупотребление одной интересной с точки зрения словообразовательных моделей лексемы – **неравъзыскание**. Так, в фонде 32 хранится дело Иркутского губернского Управления «**О розысканіи государственнаго преступника Алексѣя Александрова Быдарина, отлучившагося съ мѣста причисленія изъ Пятчинскаго ночлега Олекминскаго округа**», составленное в период с 1 декабря 1884 по 15 сентября 1887 г. (Ф. 32. Оп. 1. Д. 417). Небольшой по объёму памятник деловой письменности (7 листов) фиксировал информацию об организации поисков означенного выше преступника, «причисленного къ пятчинскому ночлегу, Олекминскаго округа и 20 октября с.г. съ мѣста поселения отлучившагося» (Ф. 32. Оп. 5. Д. 417. Л. 1): «*На предписание отъ 7 августа с.г. за № 62 имѣю честь сыскать, что по произведеннымъ самымъ тщательнымъ розыскамъ, бѣжавшій изъ Якутское области государственный преступникъ Алексѣй Быдаринъ въ городѣ Иркутскѣ ненаиденъ*».

Официальные мероприятия, осуществляемые специальными органами региональной власти, не устраняли подобную антинормативную ситуацию, довольно типичную для второй половины XIX в., решения по вопросу не всегда принимались сиюминутно. На наш взгляд, подобные события и предопределили репрезентацию словоформы **неравъзыскание**. Нетипичность такой номинации для лексической системы розыскного делового языка обусловлена несколькими моментами. С одной стороны, наличие префикса *не* свидетельствовало о том, что зачастую поиски разыскиваемого человека оказывались неуспешными и требовали дальнейшего незамедлительного продолжения. С другой стороны, вербализации данной номинации в семантической системе розыскного делового языка второй половины XIX в. способствовало сосуществование и активное функционирование двух отглагольных существительных – *разыскание* и *възыскание*. Последние, безусловно, были известны составителю анализируемого розыскного

документа, широко употреблялись в подобных контекстах, что и привело к смысловой контаминации.

Отметим, что в русском литературном языке XVII в. употреблялось производное существительное с субъектным значением 'лицо по действию'. Лексема **взыскатель** была семантически многомерной, что подтверждается довольно широким лексическим описанием ('*тот, кто ищет что-либо, стремится к чему-либо*'): «Тяжкосердии бо воистину и суетных лжи взыскатели и глубокою тмою омрачени суть» (М. Гр. Неизд. I, 705, XVII в.) [Словарь, 1975, с. 163]. При этом форма множественного числа (*взыскатели*) эксплицировалась в постпозиции по отношению к атрибутивным конструкциям.

Наречие **взыскательнѣ**, также функционировавшее в системе русского литературного языка и зафиксированное в «Словаре...», на наш взгляд, не предполагало репрезентации розыскных смыслов в силу своей особой стилистической характеристики. Обратимся к его словарной статье, фиксирующей только единичное словоупотребление для данной части речи: «Оба стиха взыскательнѣ чтутся» (Брун. Толк. Псалт., 488, XVII в. ~ 1535 г.) [Там же, с. 164]. Принадлежность к высокому, книжному стилю определила факт недиффузности этой части речи в разных памятниках письменности. Подобное произошло и с качественным прилагательным **взыскательный**. Его смысловая нагрузка репрезентирована в «Словаре русского языка XI–XVII вв.» следующим образом – '*требующий взыскания, исследования*'.

Таким образом, проанализировав деривационную модель «вз + иск» в лингвистико-историческом и семантическом аспектах, мы пришли к следующим выводам. С одной стороны, формирование системы розыскного делового языка второй половины XIX в. происходило постепенно. Активизация лексем, образованных по данному принципу, произошла только в начале XVII в., что напрямую определило обособление отдельного стилистического подъязыка официально-делового стиля. До этого периода в русском литературном языке номинации информации розыскного типа были представлены спорадически. Безусловно, в XI–XVI вв. некоторые словоформы репрезентировали минимальный набор подобных интенций ('*поиск какого-либо лица*'), но их лингвистическая характеристика не была такой однозначной.

Отношения синонимии в рамках одной части речи были сформированы также в начале XVII в.: например, лексемы *взыскъ* и *взыскание* первоначально употреблялись в едином семантическом пространстве. Постепенно первое существительное имплицировалось из зоны речемыслительной активности составителя розыскных деловых бумаг и заменилось формой *взыскание*. Такие трансформации были довольно частотны на этапах первичного становления терминологического аппарата розыскного делового языка.

Региональные деловые памятники второй половины XIX в. репрезентировали номинации, образованные по модели «вз + иск», смысловое наполнение которых было смоделировано для вербализации значения '*поиск какого-либо лица*'. Разрешение антинормативных ситуаций в тот или иной исторический период каждый раз способствовало экспликации словоупотреблений с корневым элементом *-иск-* в региональных разножанровых документах деловой письменности. Обращение к подобным источникам каждый раз способствует расширению представления о системе русского литературного языка в целом.

Список литературы

Блохин А. В. Словообразование имен существительных в новгородских памятниках письменности XI–XIV вв.: Дисс. ... канд. филол. наук. М., 2003. 261 с.

Ваганова К. Р. Модель «от + иск» в контексте розыскного делового языка // Русский язык в школе. 2014а. Вып. 2. С. 62–66.

Ваганова К. Р. Предикат *изыскати* в системе русского литературного языка (по данным «Словаря русского языка XI–XVII вв.») // Вестн. Моск. гос. обл. ун-та, 2013. Вып. 6. С. 10–15.

Ваганова К. Р. Предикаты *поискати* и *разыскати* в системе русского литературного языка (по данным «Словаря русского языка XI–XVII вв.») // Электронный вестник Моск. гос. обл. ун-та. 2014б. Вып. 1. URL: <http://vestnik-mgou.ru/Articles/View/512/>.

Гулько О. Г. Формирование и развитие субстантивной конфиксации в русском языке XI–XVII вв.: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Казань, 2012. 22 с.

Ерофеева И. В. Реализация стилистических возможностей языковой системы в фактах словообразовательной синонимии // Русский язык: функционирование и развитие: Материалы Междунар. науч. конф. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2012. Т. 1. С. 93–100.

Ерофеева И. В. Синтагматический и парадигматический аспекты исследования словообразовательной системы древнерусского языка // Языковые категории и единицы: синтагматический аспект: Материалы IX Междунар. конф. Владимир, 2011. С. 135–138.

Майоров А. П. Словарь русского языка XVIII века. Восточная Сибирь. Забайкалье. М.: Азбуковник, 2011. 584 с.

Низаметдинова Н. Х. Словообразование сложных слов в русском языке XI–XVII вв.: Дис. ... д-ра филол. наук. М., 2003. 375 с.

Николаев Г. А., Николаева Н. Г. Об одном явлении супплетивизма в истории русского словообразования // Учен. зап. Казан. ун-та. Серия: Гуманитарные науки. Казань, 2013. Т. 155, № 5. С. 121–131.

Новиков Л. А. Семантика русского языка: Учеб. пособие. М.: Высш. шк., 1982. 272 с.

Сирота Е. В., Мигирова Н. И. Принципы исторического и синхронного описания словообразовательной системы языка // Вопросы русской исторической грамматики и славяноведения: к 175-летию со дня рождения Ватрослава Ягича: Материалы Междунар. конф. Петрозаводск, 2013. С. 27–30.

Словарь русского языка XI–XVII вв.: В 26 т. М.: Наука, 1975. Т. 2. 323 с.

Щербакова Н. Н. Словообразовательные особенности русской просторечной лексики XVIII века. Омск, 2006. 228 с.

Щербакова Н. Н. Метонимия как способ семантической деривации (на примере просторечной лексики XVIII века) // Альманах современной науки и образования. Тамбов: Изд-во «Грамота», 2007. Вып. 3. С. 240–241.

Список источников

1. Дело «О розыскании государственного преступника Алексея Александрова Быдарина, отлучившагося съ мѣста причисленія изъ Пятчинского ночлега Олекминскаго округа» // Государственный архив Иркутской области. Ф. 32 «Главное управление Восточной Сибири. Иркутское общее губернское управление, г. Иркутск Иркутской области». Оп. 5. Д. 417. Л. 1.

2. Дело «Объ исполнение судебныхъ и административныхъ плановъ» // Государственный архив Иркутской области. Ф. 32 «Главное управление Восточной Сибири. Иркутское общее губернское управление, г. Иркутск Иркутской области». Оп. 1. Д. 3678. Л. 13 об., 46 об.

K. R. Vaganova

**The derivative model *vz + isk* in the contexts of the language of investigations
in the second half of the XIX century**

This paper presents a lexical semantic analysis of the derivative model *vz + isk*, which is typical of the contexts of the language of investigations in Russia in the second half of the 19th century. The study material is composed of selected entries from several historical and linguistic dictionaries and the texts of regional written monuments of business language for the corresponding period. The semantic features are examined of the predicates *vzyskat'* and *vzyskivat'* (collect), the verbal nouns *vzysk*, *vzyskanie*, and *neravzyskanie* (penalties), the adverb *vzyskatel'no* (demandingly), and the adjective *vzyskatel'nyi* (demanding). Analysis of the contexts allows the following conclusion to be drawn: given that the root *-isk-* is retained, variability is observed in the prefix, suffix, and postfix morphemes only. These lexical units are known to have been activated only in the early XVII century, which fact shaped the functional development of the language of investigations, an individual stylistic sublanguage of the official and business style.

Keywords: business writing, XIX century, language of investigations, linguistic source studies, derivative model.